

Журнальные и литературные заметки

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 5. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1842 -- ноябрь 1843.

Редактор тома М. Я. Поляков. Подготовка текста В. Э. Богграда. Статья С. И. Машинского.

Примечания Г. Г. Елизаветиной.

М., "Художественная литература", 1979.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Зная не только, что и как пишется в наших журналах, но и догадываясь наперед, что и как будет в каждом из них писаться, мы не принадлежим к числу ревностных их читателей. Если же и заглядываем в них, так больше для своего личного удовольствия, из желания прочесть иногда что-нибудь забавное, -- нежели по обязанности. А между тем, ища удовольствия, встречаем иногда и пользу: время от времени попадаются в журналах вещи курьезно поучительные, по поводу которых иногда невольно раздумаешься о том и о сем. Так как теперь большая часть наших журналов, за исключением "Отечественных записок", "Библиотеки для чтения" и "Северной пчелы", известна публике только разве по именам, и то из помянутых известных ей изданий, -- то мы и приняли благое намерение, если не сохранить для потомства, то хоть сделать известным для современников редкости и драгоценности, которые, как оазисы в пустыне, попадаются в малоизвестных периодических изданиях. Равным образом, может попадаться много интересного в том или другом отношении и при перелистывании старых журналов, старых и новых книг. Все такое мы намерены или пересказывать, или просто выписывать, с собственными заметками, когда дело требует пояснения, или и без заметок, когда дело красноречиво говорит само за себя. Будучи уверены в занимательности подобных заметок для читателей, мы намерены сделать из них род постоянной статьи, время от времени помещаемой в отделе "Смеси" "Отечественных записок"¹. Так как наши заметки не имеют ничего общего ни с осами, ни с шмелями, ни с трутнями, ни с комарами, ни с другими животными², то мы их и называем просто "журнальными и литературными заметками". Вот несколько таких заметок для начала.

С некоторого времени в русскую поэзию закралась странная и неприличная изысканность в мысли и выражении. Многие критики справедливо и строго вооружились против нее. Мы думали было, что она и кончилась, как вдруг открыли, к изумлению своему, следующее известие о ней в "Русском вестнике":

Из 12-ти пьес в стихах, находящихся во втором томе "Беседы", замечательнее всех стихотворение г. Шевырева. Но разве г. Шевырев все еще пишет стихи? Да, пишет, прекрасные, как проза, чистые, как вода, нравоучительные, как изречения Антония Мурета отрока. Видите, какой-то поэт умер. Г-н Шевырев так рассердился за смерть его, что не советует юношам призывать вдохновение *на высь чела*, венчанного *звездой* (?), не заводить песнопений пред суетной толпой!

Коль грудь твою огонь небес объемлет,

то берегись, говорит г. Шевырев, берегись: в рифму -- *рок не дремлет!* И рассуждает он далее, что *наш век горькой прекрасного не любит*, бессмысленно *сосуд прекрасного губит*, и все равно ему, хоть *гроза смяла роскошного (?) мотылька*, хоть *увяла роса в пламенном расцвете*, хоть *застыл в горах зачавшийся поток*, или хоть *поэт пал, зажавши рану груди*. Стихи очень хороши, но мысль их кажется нам не совсем верною. Не все, чью *грудь огонь небес объемлет*, не все, *призывающие вдохновение на высь чела*, *венчанного звездой*, умирают, *зажавши рану груди*. Есть поэты, которые пишут стихи и стишки, а между тем живут себе спокойно. Такие; поэты есть на белом свете, и, следственно, мысль почтенного г. Шевырева не вполне верна. Что, если русские поэты испугаются, послушают совета г. Шевырева, перестанут писать стихи вовсе? В таком случае, мы принуждены приняться за стихи самого г. Шевырева,